

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-139-146>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. **В. В. Кондратьева**
г. Таганрог, Россия

© 2022 г. **М. Ч. Ларионова**
г. Ростов-на-Дону, Россия

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «ВЕРБА»: ДИФФУЗИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН
«Политические и социокультурные процессы на Юге России
в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)», № гр. проекта 122020100347-2

Аннотация: Рассказ А. П. Чехова был написан к Пасхе 1883 г. Однако назван он по имени главного «персонажа» предпасхального праздника — Вербного воскресенья. Это обстоятельство проливает свет на символику рассказа: традиционно-культурные и пасхальные элементы, народная и книжная традиции переплетаются. Эти культурные коды не существуют друг без друга, и всякий писатель, говорящий на русском языке, воспринимает их как органическое единство. Образ вербы в рассказе имеет фольклорные и христианские коннотации. Диффузия культурных кодов определяет гибридность жанровой стратегии рассказа. Это пасхальный рассказ. В нем есть главные признаки жанра: приуроченность к празднику, дидактизм, духовное перерождение героя и др. Однако Чехов разрушает читательское ожидание пасхального чуда, поскольку необыкновенным, удивительным явлением становится кровавое преступление, а раскаяние преступника приводит его к самоубийству. Образ такого раскаявшегося грешника, «неправильного» с точки зрения пасхальной традиции, включает в структуру рассказа элементы жанров устной народной словесности: баллады (невинная жертва, убийство, самоубийство, мотив дерева на месте преступления и др.) и легенды (морально-этический посыл, преображение и раскаяние героя и др.).

Ключевые слова: Чехов, «Верба», пасхальный рассказ, традиционная культура, христианская символика, жанр.

Информация об авторах:

Виктория Викторовна Кондратьева — кандидат филологических наук, профессор, Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал Ростовского государственного экономического университета), ул. Инициативная, д. 48, 347936 г. Таганрог, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2388-2088>

E-mail: viktoriya_vk@mail.ru

Марина Ченгаровна Ларионова — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук, пр. Чехова, д. 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2955-2621>

E-mail: larionova@ssc-ras.ru

Дата поступления статьи: 13.10.2020

Дата одобрения рецензентами: 27.11.2020

Дата публикации статьи: 28.06.2022

Для цитирования: Кондратьева В. В., Ларионова М. Ч. Рассказ А. П. Чехова «Верба»: диффузия культурных кодов // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 139–146. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-139-146>

Рассказ «Верба» написан в 1883 г. и опубликован в журнале «Осколки» 9 апреля. Его публикация была приурочена к Вербному воскресенью. Это один из немногих «не смехотворных» ранних рассказов А. П. Чехова. Он писал издателю Н. А. Лейкину: «Мне думается, что серьезная вещица <...> не будет сильно резать глаз. <...> К Троице я пришлю Вам что-нибудь зеленое... Буду серьезничать только по большим праздникам» [15, т. 1, с. 67].

Из сказанного ясно, что «Верба» — пасхальный рассказ, первый из чеховских пасхальных рассказов («Казак», «Студент», «На страстной неделе», «Архиерей» и др.). Однако приурочен он не к самой Пасхе, а к Вербному воскресенью. Это обстоятельство представляется нам чрезвычайно важным и проливающим свет на символику и жанровую природу рассказа, которые определяются взаимодействием народной и книжной традиций, диффузией культурных кодов — народно-поэтического и христианского. Мы полагаем, что эти культурные коды не существуют друг без друга и всякий писатель, говорящий на русском языке, воспринимает их как органическое единство.

«Верба» — это рассказ о преступлении, совершенном в Вербное воскресенье: ямщик убивает почтальона, забирает сумку с деньгами, Свидетелем этого становятся верба и старик Архип. Архип относит сумку с деньгами в присутственное место, но там их прибирают к рукам чиновники и выгоняют ямщика, когда он позже признается в преступлении. Убийца остается жить рядом с Архипом и вербой, его мучает совесть, искреннее признание не облегчает его муки, и он заканчивает жизнь самоубийством. Тени почтальона и ямщика являются Архипу и вербе.

Исследователь христианских мотивов и символики произведений Чехова А. С. Собенников полагает, что «в фабульном аспекте выбор вербы (а не вяза, например) случаен» и вообще «в лирико-символическом плане произведения дендрологические признаки вторичны» [11, с. 122].

Мы не можем согласиться с этим утверждением. В сильную позицию — в заглавие — вынесен именно образ вербы, которая является полноценным персонажем. Чехов оживляет ее, наделяет человеческими качествами. Она шепчет, молчит, плачет. Автор называет ее «старухой-вербой». По сути, дерево является безмолвным свидетелем всего, что случалось на ее долгом веку.

Верба — значимый символ двух национальных культурных парадигм: устной народной и книжной христианской. В народной культуре это амбивалентный образ. С одной стороны, дерево наделяется витальным значением, связано с представлениями о быстром росте, плодовитости, рождаемости [1, с. 283–302]. По мнению Т. И. Парфило, это обусловлено тем, что с давних времен славяне почитали вербу в связи с космоло-

гическими представлениями о ней как о Мировом Древе / Древе Жизни и многосторонне применяли ее распутившиеся ветви в ритуальных практиках [9, с. 80]. В чеховском рассказе эти свойства вербы актуализируются и в художественном пространстве, и во времени, и в мотивной структуре.

Мир в рассказе выстраивается вокруг образа вербы. В дупло вербы ямщик прячет сумку с деньгами. К вербе возвращается раскаявшийся убийца. Архип сидит под деревом в начале и в финале рассказа. Именно оттуда он наблюдает за ямщиком и почтальоном. Верба и Архип в рассказе взаимно уподоблены в полном соответствии с моделью мира, где человек выступает в качестве частицы универсума. Единство всего сущего в мире Архипа подчеркивается авторскими замечаниями: *сгорбленная* мельница, *горбатая* верба и Архип *горбат*, как верба; *старая* мельница, *старая* верба и старый Архип. Его беззубый рот напоминает черное дупло вербы. Даже ход времени определяется, с одной стороны, действиями человека («Время Архип узнавал не только по почтовым звонкам. Ровно в полдень через плотину проезжала Т-я почта» [15, с. 102–103]), а с другой стороны, жизнью природы («Когда тень вербы начинала отходить от того берега, наступал полдень» [15, с. 102]).

Пространство структурируется образами реки, вербы, старой мельницы и человека, включенного в эту модель не только в качестве обитателя этого мира, — он будто «привязан» к дереву: его подпирает верба, и он всегда сидит у корня ее. Такая пространственная структура ориентирована на трехуровневость, которая задается образом дерева: верхний мир (где живут боги, духи и демоны, обладающие большей силой, чем человек), средний мир (пространство вокруг человека), нижний мир (мир темных сил, мир смерти). Соединяет эти три сферы Мировое дерево. Ветви его уходят в верхний мир, а корни — в нижний.

Однако в чеховском рассказе речь идет о старой вербе: она «стара и сгорблена. Ее горбатый ствол обезображен большим темным дуплом. Всуньте руку в дупло, и ваша рука увязнет в черном меду. (Казалось бы, этот мотив должен подчеркнуть плодovitость вербы, но мед «черный», а рука «увязнет» — в этом есть какая-то гибельность. — В. К., М. Л.) «Дикие пчелы зажужжат около вашей головы и зажалят» [15, с. 102]. Старая верба в народном сознании наделялась совсем иными коннотациями, чем молодая: «...старая верба считается прибежищем чертей, водяных и других нечистиков» [13, с. 333]. Это проклятое дерево, она дала древесину на гвозди для распятия Спасителя [8, с. 104]. Такие поверья наиболее активно бытовали на юге России и в Малороссии [1, с. 291]. Напомним, что Таганрог — родина писателя — до 1888 г. входил в Екатеринославскую губернию, т. е. Малороссию, и большую часть жителей составляли этнические украинцы.

Хтоническая семантика старой вербы в рассказе усиливается ее расположением рядом с водяной мельницей. Это определяет лиминальный характер вербы — она растет на границе «этого» и «иного» мира. На связь вербы и воды обратила внимание Т. А. Агапкина [1, с. 295]. Это дает основания задать вопрос: а Архип вполне жив? С одной стороны, он совершает реальные действия: идет в город, несет сумку, однако именно он видит на плотине тени умерших ямщика и почтальона и сама его старость будто выводит его из мира живых. Еще вопрос: какое отношение Архип имеет к мельнице? Не был ли он когда-то, когда мельница еще работала, мельником? Чехов не дает ответа, но балансирование на грани рационального и иррационального — частый прием в его рассказах, вспомним «Ведьму». Мельники знают с нечистой силой и поставляют водяному жертв, в том числе людей, — делают «заклад». А под вербой принято

было хоронить «заложных» покойников, т. е. умерших не своей смертью. Все эти связи создают имплицитные смыслы короткого рассказа, раздвигают его сюжетные пределы, выводят за социально-бытовые рамки.

Финал рассказа, построенного, казалось бы, целиком на народной традиции, переводит его в плоскость духовной литературы и актуализирует то значение вербы, которое привело к ее использованию в пасхальной обрядности. Способность вербы цвести раньше других деревьев определяла ее роль в народном целительстве, в результате чего ее наделили «воскресительными» свойствами [14, с. 172]. Это пасхальное начало переносит «события из земного плана в иное измерение — вечность — как иерархически более важное» [4, с. 489].

Вербное воскресенье — важный этап пасхального цикла. Это переломная точка перед Страстной неделей. Именно с нее начнутся страдания старика Архипа, ставшего случайным свидетелем преступления, и ямщика-убийцы. В результате те, кто должен пресекать преступления, окажутся преступниками, душегуб и убийца раскается, а плакучая верба — «ее лоснящаяся листва спускается на крышу, на плотину; нижние ветви купаются в воде и стелются по земле» [15, с. 102] — оплачет несовершенство мира и человека, отпавшего от Бога. Не случайно вербные «барашки» в народном сознании ассоциируются с агнечной христианской символикой, а освященная верба символизирует жертву Христа, важную для понимания смысла праздника [9, с. 82].

Таким образом, в рассказе происходит диффузия культурных кодов — фольклорного и церковного. Это явление, характерное для русской культуры, получило название «двоеверие» — «религиозная система, в которой языческие верования сохраняются под наружным слоем христианства», как ее характеризует И. Левин [6, с. 11–12]. Однако нам представляется более убедительной точка зрения Ю. С. Степанова, который понимает под двоеверием не «шаткость» христианской веры в душе человека, не приверженность сразу двум верам — христианству и язычеству, а особый культурный феномен — существование человека одновременно в двух культурных парадигмах, их органическая связь, прораствание друг в друга [12, с. 454–465].

Гибридность культурных кодов определяет во многом гибридность жанровой стратегии рассказа. Это, конечно, рассказ, причем рассказ пасхальный. В нем есть главные признаки жанра: приуроченность к комплексу пасхальных праздников и духовное перерождение героя. Отсюда притчеобразность и ненавязчивый дидактизм [3; 5]. Пасхальные элементы рассказа задают определенное настроение читателя: он ждет чуда. Однако эти читательские ожидания Чехов разрушает, как это он делает часто, потому что чудом, т. е. необыкновенным, удивительным явлением становится убийство: «случилось нечто необыкновенное» [15, с. 103]. Можно назвать чудом раскаяние ямщика, пробуждение в нем совести, но и это чудо в христианском смысле спорно. Ведь ямщик совершает самоубийство, что невозможно для праведника — раскаявшегося преступника. Совершив убийство почтальона, он чудесным образом остается неразоблаченным. Не испытав суда над собой, он постепенно сходит с ума, не справившись со своими душевными переживаниями. Суд человеческий не свершается, главное, что свершается суд совести. И однажды ему «пришлось бежать от совести в воду...» [15, с. 105].

В традиционной народной культуре, несмотря на комплекс представлений о «заложных» покойниках, нет такого категоричного осуждения самоубийства, как в христианстве. Особенно это касается утопленников, которых даже иногда считали праведниками [2, с. 383]. Это один из способов перехода в иной мир. В рассказе он становится формой спасения. Ямщик «возмутил воды», но он утопился именно там,

где поплавки Архипа. Чехов подчеркивает, что Архип ловит рыбу с утра до ночи, во все времена года. Вспомним, что в Новом Завете рыбачили апостолы, первые ученики Иисуса, Петр и Андрей. Иисус призывает их следовать за ним, повелевая им оставить рыбную ловлю и посвятить себя иным трудам: «Идите за Мною, и я сделаю вас ловцами людей» (Мф. 4: 19). Это значит находить погибшие, искалеченные души и приводить их к свету, к Богу. Образ старика Архипа включен в эту культурную парадигму. Архип играет роль ловца не только в прямом смысле, но и в метафорическом. В рассказе Архип с приходом новой весны прогоняет ямщика, словно время его нахождения в мире вербы истекло, но, совершив самоубийство, ямщик остается в нем навсегда.

Образ именно такого — раскаявшегося — грешника, «неправильного» с точки зрения пасхального рассказа, включает в его жанровую структуру элементы жанров устной народной словесности, в первую очередь баллады и легенды. От баллады в рассказе — невинная жертва, убийство, самоубийство, мотив дерева на месте преступления, позднее раскаяние, отсутствие предыстории (кстати, убийцей в балладе может выступать ямщик [10, с. 399]). От легенды — морально-этический посыл, преобразование и раскаяние героя, то, что сближает легенду — устный жанр, и пасхальный рассказ, — жанр литературный. Именно в легенде распространен мотив прощения Господом или святым убийцы, потому что он потом искренне кается [7, с. 99].

Итак, рассказ «Верба» соединяет в себе элементы пасхального текста и традиционно-народной картины мира. И эти элементы не входят в противоречие, демонстрируя динамику, переплетение культурных кодов — особый художественный прием Чехова, как показывают это и другие наши исследования. Писатель и его герои непротиворечиво существуют одновременно в двух культурных парадигмах, что определяет и сложную жанровую природу рассказа. Кроме того, наш анализ рассказа позволяет еще раз вернуться к разговору о «христианстве» Чехова и его отношении к народной культуре. В художественном мире рассказа и, думается, его автора, как и большинства носителей традиции, эти явления неразрывно связаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракета (род *Salix*) // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 283–302.
- 2 Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Утопленник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 383–386.
- 3 Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 256 с.
- 4 Есаулов И. А. Пасхальный архетип русской литературы и структура романа «Доктор Живаго» // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 483–499.
- 5 Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 249–261.
- 6 Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России / пер. с англ. М.: Индрик, 2004. 216 с.
- 7 «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 576 с.
- 8 Парфило Т. И. Образ вербы в восточнославянских легендах библейской тематики // Традиционная культура. 2010. № 4. С. 97–108.

- 9 *Парфило Т. И.* Верба и ее восточнославянские названия // Русская речь. 2010. № 5. С. 79–84.
- 10 *Пропп В. Я.* Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
- 11 *Собенников А. С.* Между «есть Бог» и «нет Бога» (о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. 222 с.
- 12 *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- 13 *Толстой Н. И., Усачева В. В.* Верба // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 333–336.
- 14 *Часовникова А. В.* Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. Святая верба. М.: Индрик, 2003. 246 с.
- 15 *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1974. Т. 1. 584 с. М.: Наука, 1975. Т. 2. 583 с.

© 2022. **Viktoriya V. Kondratyeva**
Taganrog, Russia

© 2022. **Marina Ch. Larionova**
Rostov-on-Don, Russia

A. P. CHEKHOV'S SHORT STORY "THE WILLOW": DIFFUSION OF CULTURAL CODES

Abstract: The story of A. P. Chekhov was written by Easter 1883. However, it is named after the main “character” of the pre-temple holiday — Pussy willow Sunday. This circumstance sheds light on the symbolism of the story: traditional-cultural and Easter elements, folk and book traditions intertwine here. These cultural codes do not exist without each other, and every writer who speaks Russian perceives them as an organic unity. The image of faith in the story has folklore and Christian connotations. Diffusion of cultural codes determines the hybridization of genre strategy of the story. It's an Easter story. It has the main signs of the genre: confinement to the holiday, didacticism, the spiritual rebirth of the hero, etc. However, Chekhov destroys reader's expectation of an Easter miracle, since a bloody crime becomes an extraordinary, astonishing phenomenon, and the criminal's repentance leads him to suicide. The image of such a repentant sinner, “wrongful” in terms of the Easter story, includes elements of the genres of oral folk literature in the story's structure: ballads (innocent victim, murder, suicide, motif of a tree at the crime scene, etc.) and legends (moral and ethical message, transformation and repentance of the hero, etc.).

Keywords: Chekhov, “The Willow”, Easter story, traditional culture, Christian symbolism, genre.

Information about the authors:

Viktoriya V. Kondratyeva — PhD in Philology, Professor, A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch of Rostov State University of Economics), Initsiativnaya St., 48, 347936 Taganrog, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2388-2088>

E-mail: viktoriya_vk@mail.ru

Marina Ch. Larionova — DSc in Philology, Director of Research, Federal Research Centre the Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Chekhova St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2955-2621>

E-mail: larionova@ssc-ras.ru

Received: October 13, 2020

Approved after reviewing: November 27, 2020

Date of publication: June 28, 2022

For citation: Kondrateva V. V., Larionova M. Ch. A. P. Chekhov's short story “The willow”: diffusion of cultural codes. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 64, pp. 139–146. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-139-146>

REFERENCES

- 1 Agapkina T. A. Simvolika derev'ev v traditsionnoi kul'ture slavian: iva, verba, rakita (rod Salix) [Tree Symbolism in Traditional Slavic Culture: Willow, Brittle Willow (Salix)]. In: *Slavianskii al'manakh*, 2014, vol. 1–2, pp. 283–302. (In Russian)
- 2 Berezovich E. L., Krivoschchapova Iu. A. Utoplennik [Drowned Man]. In: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquity. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012, vol. 5, pp. 383–386. (In Russian)
- 3 Dushechkina E. V. *Russkii sviatochnyi rasskaz: stanovlenie zhanra* [Russian Christmas Short Story: Formation of a Genre]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1995. 256 p. (In Russian)
- 4 Esaulov I. A. Paskhal'nyi arkhetyip russkoi literatury i struktura romana «Doktor Zhivago» [The Easter Archetype of Russian Literature and the Structure of the Novel “Doctor Zhivago”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2001, no 6, pp. 483–499. (In Russian)
- 5 Zakharov V. N. Paskhal'nyi rasskaz kak zhanr russkoi literatury [Easter Short Story as a Genre of Russian Literature]. In: *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov* [Evangelic Text in Russian Literature of 18th–20th Centuries]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 1994, pp. 249–261. (In Russian)
- 6 Levin I. *Dvoeverie i narodnaia religiiia v istorii Rossii* [Trust and folk religion in Russian history], trans. from English. Moscow, Indrik Publ., 2004. 216 p. (In Russian)
- 7 «Narodnaia Bibliia»: *Vostochnoslavianskie etiologicheskie legendy* [“Folk Bible”: Eastern-Slavic Etiological Legends], comp. and comm. by O. V. Belova. Moscow, Indrik Publ., 2004. 576 p. (In Russian)
- 8 Parfilo T. I. Obraz verby v vostochnoslavianskikh legendakh bibleiskoi tematiki [Image of the willow in East-Slavic legends with biblical themes]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2010, no 4, pp. 97–108. (In Russian)
- 9 Parfilo T. I. Verba i ee vostochnoslavianskie nazvaniia [Willow and its Eastern-Slavic Names]. *Russkaia rech'*, 2010, no 5, pp. 79–84. (In Russian)
- 10 Propp V. Ia. *Poetika fol'klora* [Folklore's Poetics]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 352 p. (In Russian)
- 11 Sobennikov A. S. *Mezhdu “est' Bog” i “net Boga” (o religiozno-filosofskikh traditsiiakh v tvorchestve A. P. Chekhova)* [Between “God exists” and “God doesn't exist” (on Religious and Philosophic Traditions in A. P. Chekhov's Works)]. Irkutsk, IGU Publ., 1997. 222 p. (In Russian)

- 12 Stepanov Iu. S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of Research]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1997. 824 p. (In Russian)
- 13 Tolstoi N. I., Usacheva V. V. Verba [The Willow]. In: *Slavianskie drevnosti; etnolingvistichesakii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquity. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 333–336. (In Russian)
- 14 Chasovnikova A. V. *Khristianskie obrazy rastitel'nogo mira v narodnoi kul'ture. Petrov krest. Adamova golova. Sviataia verba* [Christian Images of flora in Folk Culture. Toothwort. Adam`s head. Saint Willow]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 246 p. (In Russian)
- 15 Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1974. Vol. 1. 584 p. Moscow, Nauka Publ., 1975. Vol. 2. 583 p. (In Russian)